

Н. Д. Попов
(Кота)

Вспоминаю маму

Лирические эссе

12+

Николай Дмитриевич Попов

Вспоминаю маму

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43679300

SelfPub; 2019

Аннотация

Самый лучший на свете человек – это, конечно же, мама. Самые теплые воспоминания о маме. Нелёгкая история жизни последней носительницы немецкой фамилии. Жизнь отцветает... и снова будет жизнь.

Воды Дона едва заметно перемещались, успокаивая... а во мне шумело бурное течение горной реки – день был насыщен информацией, что мой детский романтизм медленно, но уверенно оседал на дно.

Одухотворённая устремлённость к неизвестному называется романтикой. Это состояние души, требующей активных и сиюминутных действий, но от неглубоких знаний совершаются ошибки... которые могут убить и мечту, и романтику.

В свои пятнадцать... и воспитанный на прямолинейных материализме и атеизме, мне не было известно ни об инстинктах, ни о подсознании, и тем более не были выработаны правила: чего можно и чего нельзя – желание было главным стимулом поступков.

Хотелось... хотелось быть моряком... бороздить океаны, увидеть чужие земли, изучить цветистую жизнь мира.

Соблазнил одноклассников – из одиннадцати согласились восемь. Собраны документы, характеристики, справки, и почта СССР доставила их в ростовскую мореходку.

Вызовы на собеседование и экзамен пришли на семейных... Саша Погорельцев что-то недооформил – документы вернулись назад (опережу события: Саша всё исправил и отправил документы в Клайпеду... и поступил).

Ребята поселились в общежитии, а я был в родном городе и поселился у бабушки Лены... которая первым вопросом ошарашила: «Ты уверен, Коля, что мореходка тебе нужна?»

У меня не было сомнений, но появилось ощущение: бабу-

ля знает что-то такое, чего я не знаю.

Во мне не было мудрости – она для меня непонятна... что было во мне – глупость или заблуждение? Если заблуждение, то от недостатка знаний, но с большими желаниями... если глупость, то от тех же малых знаний и вынужденной необходимости что-то сделать.

Поэтому вместо ответа предложил:

– Бабуль, у меня завтра свободный день перед собеседованием, покажи мне Ростов со своими памятными местами...
– С удовольствием.

На следующий день:

– Сначала мы посетим Володю – это Владимир Андреевич Керуль, мой дед, которого видел по летним приездам в Ростов в трёх– и четырёхлетнем возрасте, а в пятилетнем приехал на похороны... для меня он образ из рассказов мамы.

Мы стояли у могилы с деревянным крестом с приклеенной фотографией бабушки...

Невозможно дать оценку человеку и моим чувствам к нему, если не было общения и, тем более, в том возрасте, когда неясно понимаешь самого себя... незнающий о жизни не будет мудрецом...

Мы приближались к большому валуну, явно привезённому в Змиёвскую балку... и камушки, разбросанные на утоптанной земле, по природе своей не должны быть на этом месте.

В рассказе бабушки звучала мрачная грусть и пугающая

мистика... Приведу рассказ мамы, в котором боль с нотками оптимизма и даже иронии.

«...В 38-м отца назначили начальником станции Ростов-Товарный, а 23 июня 1941 года сняли как немца... хотя был настолько обрусевшим, что ни в какой степени не владел немецким языком. Когда немцы оккупировали Ростов, его забрало гестапо... как еврея со странной немецкой фамилией. Через неделю... ночью, а точнее под утро... стук в окно... мать открыла дверь... на пороге в грязи и в крови стоял отец... История потрясла – его расстреливали вместе с евреями в Змиёвской балке. С отцом оказался дежурный по станции, с которым проработали 20 лет... и его последние слова были: «Володя, ты помоложе... выживешь... найди моих... расскажи как было... не хочу умирать непрощённым». Подставил себя под пулемётную очередь и собой толкнул отца в ров... Глубокой ночью отец выбрался из-под трупов... Пласт земли был небольшим – на следующий день ров был готов принять следующий слой лишённых жизни. Вся жизнь – без звука стон... стоит ли жить горькими минутами?... бессмысленно и надывается терпение, ослабляя желание к жизни».

В повествовании сестры Тома, данный эпизод из жизни бабушки, звучала мораль и требование таких же переживаний, чтобы менять характер к лучшему.

«Чтобы прийти к достоинству, нужно страдать», – мораль «добродетельных» наставников, желающих переделать людей по своему образу, не задумываясь о том, что страдания

могут оскорбить и унижить человека до превращения его в ничтожество.

Помню слова матери: «Трудности надо преодолевать со слезами, кусая губы, а вспоминать с улыбкой... и тогда жизнь чище и без вериг – прошлое, погруженное в сознание, не даёт свободного движения телу».

А бабуля говорила: «Не надо жить прошлым – оно мёртвое и тянет за собой... прошлое надо помнить... хорошее и плохое, но выводы делать для будущего и помнить – настоящее приходит вчера».

Бабуля остановила меня (мы шли по улице Пушкина) перед двухэтажным особняком с высоким кирпичным забором, над металлическими воротами кирпичная арка. Слева от ворот, во дворе возвышалась мощная акация, подчёркивающая, возможно, свой вековой возраст.

– Коля, смотри... над воротами эгида с буквой «К» – это означает «Керуль»... сейчас об этом уже можно говорить... твой прадед Андрей Керуль имел титул князя, – было ощущение, что мои глаза округлились, как у совёнка, только часто хлопали ресницами, – и его дети владели княжеским титулом, а Володя был лишён его... за участие в забастовке студентов в 1905 году был исключён из университета, где он учился на медицинском факультете... Род Керулей со времён Екатерины Великой начинался на Руси от военного медика и за большие заслуги был пожалован титул и удел возле строящейся Ростовской крепости в долине реки Темер-

ник. Медик или военный... исчезнут таковые из рода Керулей, и ветвь потеряет титул князя... Отец Володи тоже окончил медицинский факультет, но в Россию пришёл капитализм, а мимо Ростова до Владикавказа строили железную дорогу, которая должна была пройти по землям Керулей... используя компенсацию и большинство семейного капитала, он вложил в акции Грузовых Дворов в Ростове, Армавире и Владикавказе, владея контрольными пакетами в каждом... Построил три особняка: ещё один в Ростове и по одному в Армавире и Владикавказе... В этом жил он и жена Софья Витальевна, управлял самым крупным Грузовым Двором в Ростове... Старшая дочь Анна жила в Армавире, была по-немецки сухим управляющим... и умерла в 1916 году старой девой... от чахотки, хотя тоже имела медицинское образование, как и её младший брат Константин, который жил во Владикавказе... на его плечи лёг самый сложный Грузовой Двор, требующий усиленной охраны, но ему удавалось находить общий язык с аборигенами... в 1916 году он умер от цирроза печени, не оставив наследников... В 1905 году Володя рассорился с отцом из-за исключения из университета, но смягчая разлад, согласился учиться на железнодорожника... В 1908 году, оканчивая колледж, сообщил отцу о своём намерении жениться... Андрей Владимирович одобрил решение сына, но взбесился, узнав, что невеста беременна! К тому же актриса!! Да ещё цыганка!!! «В табор!.. в кибитке будешь жить!..» И лишил сына наследства... Из своего

особняка Володя смог вывезти библиотеку... которую в декабре 18-го сожгли махновцы вместо дров в буржуйках, когда квартировали несколько дней на станции Кизитиринка... Володя на этой станции проходил практику и мой отец, дежурный по станции, пригласил его на должность помощника дежурного по станции с предоставлением казённой квартиры... Изгнанник согласился, а его невеста нет... Она предпочитала особняк в самом городе, а не за двадцать вёрст в чужой квартире... Это сейчас Кизитиринка в черте города... Летом 1908 года бывшая невеста преподнесла Володе «презент» – твою маму, обещав вернуться к нему, когда он переедет в свой особняк... Мы пленники своих чувств – вырываясь из-под их власти, разрушаем и себя, и близких людей, портим свою судьбу. В миг освобождения необходимо прислушаться к своей душе, к своей совести – уловить предвращение разума сердца... Володя поступил так, как мог поступить только он – принял «подарок» и запретил появляться родительнице на пушечный выстрел, хотя в глазах томилась любовная тоска... Сцена происходила в присутствии моего отца и меня... Когда «невеста» радостно устремилась вон... Володя будто впервые увидел меня, сказал то, что не ожидала: «Олёнка, согласишься быть няней для моей доченьки»... Звучало, как предложение замуж... Зная его почти год, в единый миг влюбилась и захотела быть с ним навсегда... В свои семнадцать жаждала полёта от любви, а входила в непринуждённое радужное бытие с предчувствием благопо-

лучной судьбы... Отец меня благословил – он ценил Володю за интеллигентность и большие знания, преданность делу и верность сказанному слову, а через год, в день рождения твоей мамы, мы обвенчались... и видела себя на небе до безохватности счастливой, а на земле до горизонта... Невидимые нити связывают людей в единое целое... Старик-еврей, закрывший Володю от пуль, изменил его не только физически – Володя вернулся из Змиёвской балки седым до последней волосинки, а через год на голове была сократовская лысина, но и душевно: «Я стал видеть грань между добром и злом в любом поступке каждого человека», – услышала от него неожиданное признание, и душевно он стал суровее... А моя судьба была в руках неизвестного мне человека – твоей настоящей бабушки...

– Бабуль, ты для меня самая родная, а другой я не знаю, и нет любопытства знать. А Кизитиринку, где девчонкой бегала моя мама, мы обязательно посетим...

– До малой родины твоей мамы далеко, а до Никольского собора близко, в нём тебя, Коля, крестили...

– Крестили?.. Отец разрешил?

– Да, он сам крещёный, а коммунистом он стал намного позже, в 26 лет... по Ленинскому призыву.

Мы с Пушкинской повернули в удивительный двухъярусный парк, где я любил выслушивать байки футбольных болельщиков, пересекли Энгельса и вышли к гастроному – огромный аквариум в рыбном отделе кишел обитателями

Дона, и их ловили сачками по заказу покупателей... пошли по переулку, который бабуля назвала по-старому: Соборный (не помню, как он назывался в шестидесятые годы, но сейчас он тоже Соборный).

Меня пугала встреча с собором – там должны быть иконы... испытываю непонятный страх при виде мёртвых тел и икон... они пронизывают душу, первые – пустотой, вторые – волнуют, раскрывая непонятную и пугающую бесконечность в себе (года через три буду безоговорочно влюблён в древнюю русскую икону кисти Рублёва, Дионисия, Феофана Грека и других безымянных и именитых художников), а сейчас слушаю неторопливое повествование бабушки Лены, предчувствуя ночь, заполненную раздумьями.

– Нет смысла обижаться и обвинять кого-то в своих ошибках и неудачное прошлое... Было как могло и прошлое не изменить даже красивой ложью... Вспоминая те смутные времена (для меня – это революционная романтика), Володя для всех: красных, белых, зелёных и прочих буро-малиновых – был нужный человек... они тыкали ему в лицо маузером и требовали паровозов, вагонов, будто они спрятаны в кустах или под горой... Вера в Бога и надежда, что наши молитвы будут услышаны, мы пережили кошмарные восемнадцатый и девятнадцатый годы... казалось, не по нашей земле перемещались разноцветные вооружённые люди, а мы бежали туда-сюда.

– Любая религия или верование ограничивает человека в

развитии, – буровил я со своей атеистической колокольной.

– Человек сам себя ограничивает... ленью, нежеланием двигаться в пространстве и желанием пристроиться к чему-то удобоваримому и без трепета в душе, – спокойно реагировала бабуля, возбуждая прямолинейное возмущение.

– Это элементарное мещанство, – пыхтел я, не находя слов для опровержения.

– Вера – это радиусом обозначенное пространство культуры, доступное человеку, причём у каждого свой радиус, в зависимости от силы веры и стремления к познанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.